

ОБ ОДНОМ БАРЬЕРЕ МЕЖДУ НАУКОЙ И ПРАКТИКОЙ

Молодой специалист приходит на производство... Старая и вечная тема. Мы читали об этом очерки, романы, стихи, корреспонденции. И будем читать. Рождение инженера, становление ученого — это вопрос будущего нашей науки и техники. От того, как мы будем готовить молодых специалистов, во многом зависит судьба технического прогресса нашего народного хозяйства.

Известно, что юноша, окончивший высшую школу, — еще не «готовый» специалист, инженер в полном смысле этого слова. Он должен войти в специфику своего предприятия, овладеть тем важным и часто новым (и в технике и в науке), что еще не «проходилось» в высшей школе.

Эта промежуточная стадия в становлении инженера, конечно, неизбежна. Однако бесспорно, что длительность такой промежуточной стадии, довольно мучительной и для молодого инженера и для предприятия, должна быть по возможности сокращена.

Как же этого добиться?

Польский Пленум ЦК КПСС поставил задачу — шире привлекать работников высшей школы к научно-исследовательским работам для народного хозяйства. В решении этой задачи и кроется ответ на наш вопрос. Привлечение больших научных сил наших вузов к разработке проблем развития новой техники необходимо прежде всего самой высшей школе, ибо, будучи оторвана от практики, вузовская наука неизбежно отстает, хиреет. Вместе с тем необходимо шире привлекать к чтению лекций в институтах ученых из отраслевых институтов, передовых инженеров с заводов — тех самых людей, которые создают новую технику.

Нам представляется, что на степень инженерной зрелости выпускников высшей школы, кроме общего их научного развития, значительно влияет также уровень так называемых спецкурсов, читаемых на последних семестрах. Ведь в числе сведений, которые должны быть переданы будущим инженерам, всегда имеются и не вполне «устоявшиеся», не вошедшие в учебники, непрерывно обновляющиеся, пополняющиеся новыми фактами и обобщениями. Так было всегда, потому что наука никогда не стояла на месте. Но эти спецкурсы играют особую роль теперь, в пору бурного развития науки и техники, и прежде всего в таких сравнительно молодых отраслях, как, скажем, электроника, газодинамика, теория регулирования, реактивная техника и т. д.

Слушая специальный курс, студенты не только знакомятся с новыми и новейшими достижениями по методу специальности. Не менее важна и методологическая сторона дела. Будущие инженеры узнают, какие трудности встают на пути исследования, как новые открытия ставят иногда отчаянные задачи перед исследователями. Отсутствие учебников по многим специальным курсам побуждает студентов обращаться к журнальным статьям и иногда критически оценивать противоречивые высказывания. Все это как бы приводит студентов к переднему краю науки и техники, приобщает их к лабораторной научной исследованию, с элементами которого в большей или меньшей степени им всем придется иметь дело в своей будущей инженерной деятельности.

Однако все сказанное справедливо при одном, на наш взгляд, очевидном и обязательном условии: специальный курс дол-

БОЛЕЕ десяти лет я работаю в семеноводческих опытных хозяйствах. Дело это большое, нужное. Работала я добросовестно, и мною были доведены. Но вот весь народ заводилой решил сентябрьского Пленума ЦК КПСС. Мога ли я остаться равнодушной? Нет, конечно, ибо дело скорейшего подъема сельского хозяйства во многом зависит от нас, специалистов. Я попросила, чтобы меня направили на работу в колхоз. Желание мое было удовлетворено. В первый же год моей работы агрономом в колхозе «Новая жизнь», обслуживаемом 3-й Волоколамской МТС, я поняла, что истинное мое место, мое призвание — работать здесь, на колхозных полях. Вместе с механизаторами МТС и колхозниками мы немало сделали за год для подъема урожайности полей, для обеспечения общественного животноводства кормами.

Однако скоро пришлось столкнуться с равнодушным рядом людей, особенно из местных руководителей, которым мое вмешательство в дела колхоза явно не нравилось. Началось это еще прошлой осенью. На токах колхоза скопилось много зерна; оно находилось там без охраны — ни зерно-

агротехники и запретила сеять. Но бывший председатель колхоза Илюхин решил все-таки сеять, чтобы не «гуляли» почти сто центов, прибывших на помощь. Вопреки всем возражениям агронома кукуруза была посеяна.

А на другой же день приказом по МТС тов. Веденичева освобождалась от работы, как «не обеспечивающая агрономического руководства». Причем главная ее вина усматривается в том, в чем она никак не может быть виновата, — в неправильной агротехнике на севе кукурузы, на севе, который она запретила.

Что это было? Простое желание М. Шелкановичевой любыми средствами дискредитировать принципиального работника, наказавшего строптивую или нечто более серьезное? Факт самоуправства с колхозным агрономом возмущал всех.

Что касается Веденичевой, то я долго противилась тому, чтобы ее сняли, — говорил секретарь райкома партии А. Коротков. — А сейчас... — и он разводит руками, повторяя основной довод, который я слышала потом и от руководителей МТС: — Не под силу ей такой колхоз...

А вот колхозники и трактористы, бригадир полеводческих и тракторных бригад другого мнения. Они считают, что их агроном попросту «сзели», как образно сказал старый бригадир полеводческой бригады Дмитрий Ильич Баталов.

Все колхозники из «Новой жизни», с которыми корреспонденция довелась разговаривать, в один голос утверждают, что агроном снят только потому, что «зачинил» руководство МТС, погнав на непрерывное авторитета главного агронома Шелкановичевой.

И. А. Веденичева, чувствуя поддержку колхозников, с которыми она проработала бок о бок трудный год, делала все радости и неудачи, не хочет просто так уйти от победивших ей людей и дела.

Но почему-то, оберегая авторитет тов. Шелкановичевой, никто в районе не хочет прислушаться к голосу колхозников.

«Веденичева — работник знающий, добросовестный, — рассуждают они, — а вот с руководством — работать не может...» Именно «работать с руководством», а не руководить, как пытаются это доказать дирекция МТС...

Советскому агроному даны большие права. Он — представитель государства в колхозе. «Агроном», — говорил И. С. Хрушев на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС, — ни в коем случае не может допускать укрывательства недобросовестной работы... Агроном должен интересоваться всем, что касается качества сельскохозяйственных работ, и быть активным борцом за внедрение в колхозное производство всего нового, передового».

Честных, принципиальных работников надо беречь. Это, видимо, забыли в Волоколамском районе.

Письмо в редакцию

НЕ СРАБОТАЛАСЬ С РУКОВОДСТВОМ...

Агроном А. ВЕДЕНИЧЕВА

Колхоз «Новая жизнь», Волоколамского района, Московской области

Агроном А. ВЕДЕНИЧЕВА

Агроном А. ВЕДЕНИЧЕВА

Агроном А. ВЕДЕНИЧЕВА

Агроном А. ВЕДЕНИЧЕВА

Агроном А. ВЕДЕНИЧЕВА

Агроном А. ВЕДЕНИЧЕВА

Агроном А. ВЕДЕНИЧЕВА

Агроном А. ВЕДЕНИЧЕВА

Агроном А. ВЕДЕНИЧЕВА

Агроном А. ВЕДЕНИЧЕВА

Агроном А. ВЕДЕНИЧЕВА

Агроном А. ВЕДЕНИЧЕВА

Агроном А. ВЕДЕНИЧЕВА

Агроном А. ВЕДЕНИЧЕВА

Агроном А. ВЕДЕНИЧЕВА

Агроном А. ВЕДЕНИЧЕВА

Агроном А. ВЕДЕНИЧЕВА

ТОРЖЕСТВО ТАЛАНТА

В театральной жизни Москвы произошло замечательное событие. Во вторник, 9 августа, был показан впервые в столице спектакль Государственного театра Шаенской оперы Китайской Народной Республики «Пролетарская опера».

Больше шести веков прошло с тех пор, как Ван Шан-фу написал свою пьесу, тысячу лет отделяют нас от общества, изображенного на сцене, но драма любви красавицы Ин-ин и студента Чжан Гуна, влюбившая сердца молодых и старых поколений, жива и поныне.

Образ любящей, самоотверженной Ин-ин в литературе впервые появился в «Повесть об Ин-ин», принадлежавшей знаменитому поэту XIX века Юань Чжаню. В этой повести девушка Ин-ин, подбившая студента Чжан Гуна, в одиночестве идет на борьбу с мраком феодализма: ее возлюбленный покидает ее на середине пути. Пьеса Ван Шан-фу, в основу которой лег сюжет повести Юань Чжэня, более прогрессивна: в ней любовь Чжан Гуна и Ин-ин не боится испытаний. Рождение в мире, где преследуется живое чувство, где женщина не воляна в своих поступках, их любовь вырастает на свободу и побеждает.

Мы увидели очень простой и очень реалистический спектакль (режиссеры У Чань и Хуан Ша), яркое искусство, связанное с народной традицией и глубоко современное, искусство высокой идейности, очень национальное и в то же время близкое каждому человеку.

В нем, конечно, много необычного для нашего зрителя специфики, пожалуй, больше всего в условности движений, идущей от традиционного китайского театра. Это твердый, нарочитый, «мужской» шаг Чжан Гуна, это сразу же очаровывающая вас прелесть пышной походки девушки, это удивительно пластичные непрерывные движения рук, то поднимавшихся, то опускающихся длинные свисающие рукава.

В спектакле «Пролетарская опера» надо прежде всего отметить ту сыгранность труппы — в ее составе одни женщины, которая невольно заставляет задуматься, когда хочется выделить лучших.

Девушку Ин-ин, дочь садовника, играет Юань Сюэ-фонь. Вначале это сама юность — робкая и стыдливая. Но вот на наших глазах рождается в Ин-ин чувство любви к студенту Чжан Гуно, бедняку с еще неясным будущим. Такая любовь, не угасая жестокостью и властной матерью, требует борьбы. Юань Сюэ-фонь дала нам увидеть, как юная Ин-ин рвется на эту борьбу, как в борьбе крепнет ее характер.

Она как будто и сама еще не знает, как сильна ее любовь к Чжан Гуно, она то и дело пытается обмануть появившееся чувство. Ин-ин поняла всю силу своей любви, когда мать не захотела сдерживать лань ее слово — обещать дочь со студентом и наградой за спасение от рабской жизни матери. Сколько горя в ее лице, сколько отчаяния во вскинутых руках, когда она уходит со сцены!

Чжан Гун (его провозгласили и тонко играет Сюй Юй-лань) достоин ее любви. Актриса подчеркивает прямоту и цельность волевого студента. Он полюбил Ин-ин, но между ними стена. Полна символического значения вторая картина, когда Чжан Гун слышит голос Ин-ин и, забыв обо всем,

помогает ей, когда видит, что они полюбил друг друга.

Превосходно проводит актриса сцену облегчения служанкой старой госпожи, переход от ласковой покорности к возмущению — эпизод решающий для дальнейшего развития действия.

Таковы герои пьесы — Чжан Гун, Ин-ин и Хун-нань. Актрисы передали в этих образах лучшие черты китайского национального характера.

Старая госпожа охраняет те феодальные устои, против которых восстали Чжан Гун и Ин-ин. Роль госпожи с отличным мастерством играет Чжан Гуй-фэн. Госпожа коварна и зла, и такую изображает ее актриса. У нее суавное, бесстрастное лицо, властные жесты, она привыкла повелевать. Чжан Гуй-фэн, рисуя образ жестокой старухи, не лишает его и обычных человеческих порывов: старая госпожа плачет в объятиях дочери после всех злоключений.

Пьеса кончается отъездом Чжан Гуна в столицу на экзамены. Таково последнее условие старой госпожи. Чжан Гун женится на Ин-ин только в том случае, если выдержит экзамены и получит чиновничью должность.

У традиционной беседки провожают Чжан Гуна. «Все равно, станешь чиновником или нет, приезжай поскорее!» — говорит Ин-ин. Чжан Гун рукавом вытирает ей слезы. Они с трудом отрываясь друг от друга. На фоне желтых гор стоят Ин-ин и Хун-нань и смотрят вслед удаляющемуся Чжан Гуно. Грустно.

Театр обрвал пьесу на этом месте, хотя она имеет продолжение. Далее следует сон Чжан Гуна, в котором ему являлся Ин-ин, убеждавшая из дому для того, чтобы разделить с ним далекий путь в столицу, и, наконец, благополучное возвращение выдержавшего экзамены Чжан Гуна.

Мы думаем, что театр прав, ограничившись той частью пьесы, которую, как это принято считать, и написал Ван Шан-фу. Чжан Гун и Ин-ин в глазах зрителя остаются непримиримыми с феодальной действительностью. Их счастье впереди. К этому заключению подготовил весь спектакль, насыщенный атмосферой борьбы, рассказывающий о победе сил света над силами мрака, поднимающий веру в лучшие человеческие чувства.

Л. ЭЙДЛИН

На снимке: Ин-ин — артистка Юань Сюэ-фонь и ее служанка Хун-нань — артистка Люй Жуй-ин. Фото А. Липина

Дела частного обвинения

Явление, которое — чего греха таить — бытует еще в наших коммунальных квартирах, на языке юристов именуется «делами частного обвинения». Собственно, так эти дела называются и по закону.

Совсем недавно мне довелось случайно присутствовать в зале заседания народного суда 2-го участка Дзержинского района Москвы. Слушалось дело по обвинению супругов Савицких в том, что они избili сестер Новокосских. Представлявшая на суде интересы потерпевших адвокат Э. Янская своим речью начала так:

— Сегодня мы слушаем одно из тех дел, которые обычно вызывают улыбку на лицах не только участников процесса, но и публики...

Нет, не видел я улыбок на лицах тех, кто сидел в зале суда. Не до улыбок было, конечно, участникам процесса. Передо мной сидели деловито-сосредоточенные судьи. В глазах сестер я видел искреннее огорчение. Савицкий был откровенно зол.

Что же случилось во второй квартире дома № 1/5 по Иветному переулку? Какие события привели людей в народный суд?

Когда я вошел в зал суда, обвинение давала потерпевшая. Чаше всего она обращалась к слову «агрессия». Это заставило нас задуматься.

— Я обвиняю Савицких в агрессивном отношении ко мне и моей сестре... Перед судом стоит молодая женщина и взволнованно рассказывает о взаимоотношениях, сложившихся в квартире...

...Сюжет судебного дела, как и литературного произведения, порой трудно пересказать, так сложна бывает история людских взаимоотношений, насыщенная противоречиями, симпатиями и антипатиями. В иных случаях вся предстория судебного дела разыгрывается на кухне, и мы безглаголющим образом в зал суда, в быту и проявляет чаще всего в полной мере характер человека с двойным дном.

наружены «кровенные связи» на лице и на левом плече, сядина на левом предплечье, у одной из сестер и «кровоподтеки на лице и сядина на правой руке» — у другой?

— Это они сами себе нанесли побои, — невозмутимо отвечает Савицкий.

То ли Савицкий вспоминал в эту минуту уловки гоголевского горюничего, утверждавшего, что утер-общерса сама себя высекла, то ли совпадение доводов объяснения духовной близостью живого и литературного героев, — но так вот, без тени смущения, и заявила: «сами себя высекли».

Суд ушел на совещание. Савицкий, наклонившись к жене, деловито прошептал: — Если нас признают агрессорами, то... — дальше я не расслышала. Надо думать, что этот молчок среди овец выработывал тут же на ходу план совместных действий против двух одиноких женщин.

Больше часа совещались судьи. Нервничала адвокат, выкуривая одну папиросу за другой. Не мог устоять на месте Савицкий. Только Новокосские сидели какие-то примиренные. О чем они думали? Много лет они терпели надругательства, не решаясь обратиться за защитой в суд. Обратились. И вот теперь, когда все, что так надобило и напикло, было выложено наружу, они чувствовали успокоение и тревогу одновременно. Как обернется дело? Не удастся ли Савицкому вести в заблуждение суд?

Притворившись, Савицкий получил шесть месяцев исправительно-трудовых работ по месту службы. Жена его оштрафована на триста рублей.

Весь? Нет, не все. Дальше начинается «то», о чем шептал Савицкий жене.

В Московском городском суде подала кассационная жалоба. В ней Савицкий утверждает: «Сила моя была направлена только на то, чтобы разнять дерущихся женщин и прекратить драку. А такие действия наказываться судом не должны, а наоборот, должны поощряться».

дось внутреннее убеждение судей, основанное на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности.

Городской суд указывает, что «сам факт наличия у потерпевших телесных повреждений, при отсутствии конкретных доказательств, что эти повреждения были нанесены Савицким Григорием, нельзя рассматривать как доказательства вины последнего».

Каких же «конкретных доказательств вины» требует городской суд? Видимо, признания вины самим подсудимым.

В древности считали признанием подсудимого «царицей доказательств». То — в древности. Советское же право не признает, как известно, этой «царицы». Не признает теоретически, отвергает в судебной практике. Тем горше отметить, что отрывки этой «теории» дают себя знать даже в Московском городском суде.

В печати уже отмечалось, что народные судьи рассматривают немало исков о выселении с жилищных помещений совместного проживания. А сколько фактически выселено? Единично. Если народный суд иной раз и вынесет такое решение, то городской суд обязательно его отменит по знакомым уже нам соображениям: «Во времена нанесения побоев и оскорблений посторонних никого не было».

В народных судах, обслуживающих промышленные районы, дела частного обвинения — редкость. Очень немного таких дел и в сельскохозяйственных районах. Преобладают они в густонаселенных городах, где много коммунальных квартир, где много неработающих людей, особенно домохозяйки. Но, разумеется, дело не только в перенаселенности. Причина квартирных баталий — пережитки капитализма, пережитки, с которыми мы все еще слабо боремся.

Иногда встречаются такие дела, что от удивления только руками разводил. Неужели работники общественного мнения, казалось бы, культурные люди, а сутяжничать гаданы. На-за чего? Трудно сказать. Читается иной раз дело и несколько десятков листов раз, другой, вычитавшись в документах, в объяснениях, а вот понять, из-за чего произошел конфликт, ссора, привидение людей в суд, бывает не под силу.

Какая же опытный, квалифицированный юрист должен быть, чтобы разобраться в причинах и перипетиях драмы, разыгравшейся на кухне или в коридоре коммунальной квартиры!

Чаше всего ссоры происходят из-за сущего пустяка. Свинья, принадлежащая Б. съела корм, который С. насыпала своим ку-

Вспылили скандалистов? Нет. Жалоба жильцов осталась даже нерассмотренной.

Не пора ли недостойное и антиобщественное поведение в быту считать делами частного, а общественного обвинения! Не потому ли дел частного обвинения в судах много, что они до сих пор дела — частного, а не публичного обвинения? Суть не в юридическом толковании этих понятий. Широкая гласность, коллективное обсуждение — вот что нужно для того, чтобы обуздать распоясавшихся квартирных хулиганов.

Мы — против мелочной опеки, против бестактного вмешательства общественных организаций в учреждения и на предпринятых в личную жизнь членов своего коллектива. Но нельзя и отдалять китайской стеной труд от быта, и часто «неумолимость» в быту является поощрением разнузданности и свинства.

Судебная пререпсия — мера важная, но вспомогательная. Главная и решающая мера — это сила общественного воздействия. — вот вывод, который вытекает из дел кухонных рыцарей. Дело Савицких, о котором шла речь выше, слушалось в народном суде при почти пустом зале. Воспитательное, общественное воздействие такого судебного процесса — незначительное. А что, если бы это дело слушать в суде общественном, в присутствии и с участием жильцов дома? Право, не вышел бы сухим из воды Савицкий...

По постановлению ВПН и СНБ РСФСР от 30 июня 1931 года при домоуправлениях для урегулирования жилищных конфликтов созданы товарищеские суды. Знаете их трудно переопределить. Но они в большинстве бездействуют. Их надо восстановить, и чем быстрее, тем лучше. Но этого мало. Следует расширить права товарищеских судов при домоуправлениях. Почему бы не предоставить им право, кроме объявления предупреждения, общественного порицания, применять небольшой штраф, возбудить ходатайство о выселении хулигана и скандалиста из квартиры, а злостного хулигана — из города.

Народные суды, ныне очень загруженные такими делами, могли бы взять на себя контроль и руководство товарищескими судами при домоуправлениях. Они же рассматривали бы дела наиболее сложные, запутанные, — там, где нужна юридическая квалификация, судебный опыт.

Квартирные хулиганы мы должны противопоставить силу общественного гнева, общественного воздействия. Дела частного обвинения должны стать делами общественного обвинения.

ЛИЦО АЛЬМАНАХА

В прошлом году городу Томску исполнилось 350 лет.

Открывающая очередной номер альманаха «Томск» статья В. Москвина, секретаря Томского обкома КПСС, рассказывает о богатом историческом прошлом города, о его расцвете за годы советской власти. Сейчас Томск — один из крупнейших промышленных и культурных центров Сибири, город науки и сибирская кузница кадров. Кроме известных всей стране университетов имени Куйбышева и Политехнического института имени Кирова, здесь — медицинский, педагогический, транспортный, строительный институты, много техникумов, научно-исследовательских учреждений. В учебных заведениях Томска обучается более 25 тысяч студентов, на кафедрах и в лабораториях трудятся около 1300 научных работников. В городе есть драматический театр, филармония, несколько клубов, краеведческий музей, крупнейшая научная библиотека и созданные руками энтузиастов телевизионный центр.

Благодаря бы, юбилейный номер альманаха, в котором рассказывается об этих фактах, должен познакомиться читателей с сегодняшним творчеством литераторов Томска, рассказать об их работе, показать рост литературных сил города и области.

Но редакция альманаха пошла по другому пути: она обратилась к ряду писателей, «творчество которых тесно связано с нашим городом», с просьбой дать к юбилею свои произведения. Так появились в альманахе несколько глав из романа Г. Маркова «Соль земли», очерк С. Воронина и П. Петунина «Последний бой Марии Октябрьской», стихи Л. Авраменко, Е. Стурат, Л. Кондреева, Л. Чернопомова, В. Пухачева и другие произведения москвичей, ленинградцев, новосибирцев, якутян. Некоторые из них написаны специально для альманаха, другие произведения уже опубликованы раньше (например, роман Г. Маркова «Соль земли»).

В том, что редакция привлекла авторов, так или иначе связанных с Томском, разумеется, нет ничего плохого. Наоборот, эту разумную инициативу следует поддержать и одобрить. Беда в другом — совсем бледно представлено в «Томске» творчество местных литераторов: одна повесть, один очерк, несколько стихотворений, три литературоведческие статьи, две-три заметки... Ни одно из этих произведений не является сколько-либо примечательным, хотя повесть Н. Попова «Третьяк» достоверна и не лишена интереса, а в стихах Вадима Шванова есть яркие строки и образы.

Немногом богаче были и предшествующие номера «Томска». Очевидно, альманаху, как говорят, не на кого и не на что «опереться», и в отличие от многих других городов Сибири Томск не может похвалиться своими творческими возможностями. В этом убеждает и редкое появление литературных материалов на страницах областной газеты «Красное знамя» и почти полное отсутствие в Томске местных изданий.

Возникает естественный вопрос: почему же в Томске, крупном культурном центре, сибирской кузнице кадров, так слабо бьется пульс литературной жизни, так медленно растут молодые творческие кадры? Все ли делают для развития литературной жизни в городе местные общественные организации, газеты, издательские работники, кафедры литературы университета и педагогического института? Помогает ли этому Новосибирское отделение Союза писателей и журнал «Сибирские огни»? Как организуют и растят творчески одаренных людей сама редакция альманаха «Томск» и областная литературная группа? Кратко сказать, в последнем номере упоминание того, что альманах связан с литературной группой, исчезло, — не означает ли это, что ее работа не усиливается, а затихает и авторитет падает?

Открывая книгу областного альманаха, всегда ожидаешь, что в ней будут отражены труд и быт передовиков промышленности и сельского хозяйства области, достижения местных ученых, культурная жизнь родного города, яркие страницы его истории. При этом надеемся прочитать не только роман или рассказ,

поэму или стихотворение, но и живые очерки, заметки и воспоминания «бывалых людей» (которые так богата наша страна). Опыт показывает, какое большое значение для любого альманаха имеет многообразие публикуемого материала, привлечение в качестве авторов новаторов промышленности, работников сельского хозяйства, местной интеллигенции. Это дает возможность альманаху развернуть на своих страницах широкую картину жизни, помогает в какой-то мере возместить слабость художественного отдела.

К сожалению, юбилейный номер альманаха беден не только художественными произведениями местных авторов, но и очерками о жизни и труде рабочих, колхозников, интеллигенции родного края. Напечатан очерк А. Кузнецовой «На родине Ивана Сусанина» — о гастролях народного артиста СССР М. Д. Михайлова в селе Сусанино Костромской области. Но почему такой очерк появился в альманахе «Томск»? Не лучше ли было поместить очерк о ком-либо из замечательных труженников Томска? Только один очерк такого рода появился в этом номере.

Это — «Полынь в науке» С. Кропачева, об известном ученом, хирурге А. Г. Савиных. К сожалению, автор очерка, довольно подробно передав воспоминания ученого о своей поездке за границу, о своем прошлом, весьма скупо характеризует труд А. Г. Савиных и суть его научных открытий, то есть самое важное в жизни ученого. Почему бы не побудить самого А. Г. Савиных (как и других ученых города) выступить на страницах «Томска»? Вероятно, сам ученый гораздо интереснее рассказал бы о том, что мешало «проникнуть в средоточие через грудоброющую преграду», а заодно и о хирургических инструментах, «о которых не имел представления ни один хирург в мире».

Помещена заметка В. Гарденина «Гастроль в Сибири известной русской невинцы Дарьи Леоновой». Это совершенно наивный пересказ воспоминаний Леоновой о большом количестве цыган, но без точного указания источника. Никакого значения заметка не имеет. Только крайняя невзыскательностью редакции альманаха можно объяснить ее появление в печати. Неужели нельзя было дать другие — более важные — материалы и статьи по истории Томска? И почему бы В. Гарденину (да и вообще работникам искусства города) не похлопотать на страницах альманаха отчетом о своей работе или выступить с интересной статьей по творческому вопросу?

Довольно характерный вид (так бывает и в других альманахах) имеет в «Томске» отдел критики и публицистики. Собственно, публицистика в нем нет, да, пожалуй, и критики тоже, а есть три литературоведческие статьи Н. Бабушкина, Я. Кошелева и Б. Беляева. Каждая из этих статей вполне профессиональна и заслуживает опубликования, но где же критика в буквальном смысле этого слова? Разве нельзя было тем же авторам (как и другим филологам города) написать статьи и рецензии о современной советской литературе, о книгах томских литераторов и ученых (мы имеем в виду «Дочь учителя» Н. Попова, «Занеки старого томича» И. Леонова, «Очерки истории города Томска»), о произведениях, вышедших в других городах Сибири или посвященных изображению этого замечательного края? В альманахе напечатана любопытная заметка А. Грановой «Томск в романах Жюль Верна», но, может быть, следовало бы напечатать и статьи о Сибири в романах С. Сарткова, К. Седых, Г. Маркова и других современных писателей?

Общий вывод хотя и не нов, но заслуживает повторения: включение в состав альманаха разнообразного материала, усиление отделов очерка, публицистики и критики, более взыскательный подход к публикуемым произведениям — это первое. Но есть и второе, главное: оживление литературной жизни и привлечение к участию в альманахе самых широких кругов местной интеллигенции — вот что определяет лицо любого областного альманаха и, в частности, дальнейшую судьбу альманаха «Томск».

А. ДЕМЕНТЬЕВ

ИЗ ПРОШЛОГО

Заметки лицейского друга Пушкина

Современники не оценили в должной мере научную заслугу русского поэта-исследователя Федора Федоровича Матюшкина, последствие адмирала. Его знали, главным образом, как одного из лицейских друзей А. Пушкина. Между тем труды Ф. Матюшкина настолько значительны, что они дали основание советским ученым даже именовать экспедицию Ф. Врангеля назван экспедицией Врангеля — Матюшкина.

Это стало ясно в послевоенные годы, когда литератор Ю. Давыдовым были обнаружены письма Ф. Матюшкина, считавшиеся утраченными. Документы, содержащие многие важные географические и этнографические данные о крайнем северо-востоке нашей страны, находились в рукописном отделе Государственной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, куда они попали из частных собраний. Часть документов была дополнена включена в книгу об экспедиции Врангеля — Матюшкина, переизданную семь лет назад.

Неловко Ю. Давыдов извлек из архивов новые интересные материалы: записки Ф. Матюшкина о первом его кругосветном походе на корабле «Камчатка» и еще один из путевых журналов путешественника по Сибири. Первая рукопись — более сотни страниц — представляет собой записки, которые Матюшкин, как говорит предание, собирался вести по совету и плану Пушкина.

Его мореходная дорога началась в Кронштадте. Летом 1817 года он поднялся на палубу шлюпа «Камчатка», уходящего в кругосветное плавание. Тогда же открыл и первую страницу своего путевого журнала.

Как ярко отразили эти записки мысли и чувства одинокашки великого поэта! Он видел рабский труд и горе одних, роскошь и праздность других. Матюшкин с гневом и возмущением рассказывает в своем дневнике о судьбе черных невольников, об островах и странах, куда проникла европейская цивилизация.

В 1818 году Матюшкин открыл земли, омываемые Великим океаном. В Перу он сделал многочисленные записки о колонизаторах, «отягачающих несчастных индейцев своим властолюбием». С сарказмом говорит русский моряк о монахах, жироющих за счет туземцев, о нравственности служителей католической церкви, которых он заставил в трактирах с бутылкой в руках и креолой на коленях.

Зато с какой симпатией пишет Матюшкин о коренных жителях страны, о чистоте и опрятности их жилищ, о тонкости художественного вкуса. Он ездил к развалинам древнего перуанского города. Руины повели ему: древние перуанцы были народом образованным. Матюшкин пишет о колонизаторах, «кои огнем и мечом проповедали христианскую веру, и многогоспелыми, образованными, богатым народ иезуит. Потомки его в рабстве, угнетении или скитаются рассеянными семействами на горах Кордильерских».

Есть в конце дневника две странички, выделенные не только цветом (они голубоватые), но и содержанием: это итог наблюдений, раздумий. Они заканчиваются сильными словами, ярко выражающими мировоззрение Матюшкина:

«Мало изгнать из своей земли рабство, чтоб доставить подданным счастье, безопасность, богатство, но надобно изгнать его из колоний — для блага всего человечества...»

«Камчатка» возвратилась в Кронштадт в 1819 году. Весной 1820 года Матюшкин был уже в новом вояже — по малоизвестным землям крайнего северо-востока России, где пролегал свой маршрут. Некоторые из них вошли потом в объемистую книгу Врангеля — начальная эта экспедиция.

В сибирском журнале, как и в «Кругосветном» дневнике Матюшкина, находились немало примечательных записей. Но дневник интересен не только ими. На полях и на оборотной стороне некоторых листов разбросаны заметки, сделанные Вильгельмом Кюхельбекером. Возвратившись из экспедиции в 1824 году, Матюшкин встретил его в Москве. Будущий декабрист, повидимому, предполагал напечатать отрывки из дневника лицейского товарища в альманахе «Мнемозина», который издавался им вместе с Оловякинским.

Кюхельбекер внимательно читал рукопись. «Поточнее» — требует он. «Здесь встречаются одни и те же слова: нельзя ли их разнообразить?» — советует он на другом листе. «Все чрезвычайно хорошо», — с удовольствием пишет он далее. «Отрывок об шаманстве написан с огнем, глубокомыслием, живописно! Ради бога, побольше подобных!» — и, отчеркнув это место, добавляет: «Славно! Славно!»

Общее мнение Кюхельбекера о журнале Матюшкина выражено кратко: «Записки чрезвычайно занимательны».

НАУЧНАЯ разработка наследия Л. Толстого — одна из сложных и ответственных задач советского литературоведения. Огромный размах творческой деятельности Толстого, его выдающееся место в развитии художественного сознания человечества, его кричащие противоречия — все это обязывает исследователей к серьезным историко-литературным поискам и глубоким теоретическим обобщениям.

Исходя из ленинской оценки Толстого, советские ученые, особенно за последние годы, разработали и по-новому осветили целый ряд очень важных вопросов жизни и творчества великого писателя. В работах об отдельных произведениях Толстого убедительно вскрыты критические и демократические тенденции его творчества. С необходимостью отмечены и принципиальность поставленного вопроса о противоречиях Толстого, о его «разуме» и «спредрасудках». Научаются связь творчества Толстого с гуманистическими и реалистическими традициями его великих предшественников, сложность взаимоотношений с революционными демократами и его влияние на прогрессивных зарубежных писателей. Некоторые ценные образцы высказаны о своеобразии творческого метода Толстого.

Однако все эти изыскания еще далеко не обобщены, не слиты в единую и стройную научную концепцию жизненного и творческого пути писателя, рассеяны по отдельным, большей частью журнальным статьям. Научная потребность в капитальных монографических работах о Толстом и его отдельных произведениях все еще не удовлетворена. Но некоторые шаги в этом направлении уже сделаны.

За последнее время вышло несколько новых книг о Толстом, близких по своему характеру и объему к типу монографических исследований. Такую капитальную работу Н. Гусева «Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год», посмертная работа С. Бычкова «Л. Н. Толстой. Очерк творчества», книга С. Лушевой «Война и мир» Л. Н. Толстого и сборник статей «Творчество Л. Н. Толстого», подготовленный к печати Институтом мировой литературы имени А. М. Горького и Государственным музеем Л. Н. Толстого. Все эти книги носят до некоторой степени итоговый характер и тем самым позволяют судить об общем уровне, на котором стоит у нас сейчас изучение Толстого, — о том, что сделано и что надлежит еще сделать в этой области.

К числу достоинств этих книг относится широта собранного в них фактического материала, здоровое авторское стремление выявить истинную глубину и своеобразие творчества великого писателя со всеми прелестями его противоречиями. Важно и то, что все эти работы — особенно такие, как С. Бычкова и С. Лушевой, — помогают заполнить значительный пробел в нашей научной и учебной литературе о Толстом. Особый интерес представляет книга Н. Гусева, исчерпывающий и стройный документированный свод биографических материалов, содержащий много новых и любопытных сведений о ранних годах жизни, о семейном и общественном окружении писателя.

Но исследователям предстоит глубоко разработать самые сложные проблемы творчества Толстого — проблемы его идейно-творческой эволюции и своеобразия его художественного метода.

Первый крупный недостаток, который бросается в глаза в работах, — это отсутствие четкой исторической перспективы. Творчество Толстого рассматривается часто «визуально», изолировано от ведущих тенденций и общих закономерностей современного ему литературного развития и где-то в стороне от его генеральных путей.

Проблемы закономерности и периодизации литературного процесса, как известно, еще не решены нашей наукой. Но можно ли их решить, минуя Толстого, и не входит ли в ближайшую задачу его исследователя ставить такого рода проблемы на благодарнейшем материале его творческой деятельности? Използновение, эмпирическое изучение Толстого сужает горизонт его исследователей и часто толкает их на путь произвольного, антиисторического толковательства, приводит к вульгарно-социологическим «концепциям».

О том, насколько произвольны бывают выводы исследователей, не владеющих критерием конкретно-исторической оценки, свидетельствует статья В. Успенского об «Анне Карениной», напечатанная в сборнике «Творчество Л. Н. Толстого». Исключительно сложная и противоречивая проблематика романа исчезает под пером В. Успенского, искажается и упрощается им до неузнаваемости. Исследователь видит в Анне образ «гордой и сильной», «активной», «целестремленной», «волевой» женщины, а в ее трагический гибель в Вронском — выражение нравственного идеала, не мирящегося с ложью, грязью, жестокостью, парящими в обществе, где существует угнетение человека человеком. Так Анна Каренина из женщины, падающей жертвой не только пороков общественных отношений, но и внутренних противоречий и безмыслия нравственных терзаний, какой она дана у Толстого, превращается в передовую русскую женщину 60—70-х годов, вроде Веры Павловны в романе Чернышевского «Что делать?». Необходимо опровергнуть: подобная трактовка произведений Толстого — случай и нашей науке редкий, если не сказать, исключительный.

Сложнее обстоит дело с тем толкованием, которое дано С. Бычковым в его обширном «Очерке творчества» Толстого по вопросу о социальных истоках и путях идейной эволюции писателя. К сожалению, автор «Очерка» не нашел нужным пересмотреть распространенное представление о дворянско-помещичьих корнях и тенденциях творчества великого писателя-реалиста до его перехода на позиции патриархального крестьянства. Однако С. Бычков попытался научно аргументировать это положение, раскрыть на конкретном материале то, о чем другие предпочитают говорить общими, бездоказательными фразами. Попытка не увенчалась успехом. Ложная концепция не поддалась научному обоснованию и в сопоставлении с реальными фактами творческой биографии Толстого, хорошо поданными в «Очерке», обнаружилась своей несостоятельностью. Несостоятельность оказалась прежде всего общая схема идейно-творческого развития Толстого, которое рассматривается в «Очерке» как процесс, механически распадающийся на два социально разнородных, замкнутых периода.

Своеобразие первого периода определяется, по мнению исследователя, противоречиями одной только личной мысли писателя, борьбой «в его мировоззрении» (выделено мною).—Е. Н.) двух начал: аристократическо-сословного и крестьянско-патриархального. Второй период открывается «победой» крестьянского начала над дворянским и «отражением» на этот раз «противоречия, свойственные самому патриархальному крестьянству». Хотя содержание книги С. Бычкова не исчерпывается этими упрощенческими, неверными формулировками, на них все-таки придется сосредоточить главное внимание.

Такая трактовка идейной эволюции Толстого еще настолько распространена среди его исследователей, что о ней стоит поговорить подробнее. Теория борьбы различных «начал» в мировоззрении Толстого не имеет решительно ничего общего с ленинским истолкованием противоречий писателя, с ленинской теорией отражения. В то же время теория эта имеет сродную давность. Впервые она была выдвинута Плехановым и затем варьировалась на разные лады вульгарными социологами. Известно, что в противоположность Ленину, показавшему, что противоречия Толстого отражают исторические противоречия современной ему русской и прежде всего крестьянской жизни, Плеханов не увидел в сильных и слабых сторонах писателя ничего другого, кроме противоречивости его собственного сознания, якобы раздираемого «борьбой» между «большим баринством» и «великим художником», между «язычником» и «христианином» и т. п.

В основе распространенной концепции лежит методологически порочная попытка примирить ленинское истолкование наследия Толстого с ошибочной интерпретацией, данной ему Плехановым. Причем первая половина творческой деятельности Толстого объясняется по Плеханову, а вторая — по Ленину.

Лев Толстой и его исследователи

Е. КУПРЕЯНОВА

дворянско-помещичьих корнях и тенденциях творчества великого писателя-реалиста до его перехода на позиции патриархального крестьянства. Однако С. Бычков попытался научно аргументировать это положение, раскрыть на конкретном материале то, о чем другие предпочитают говорить общими, бездоказательными фразами. Попытка не увенчалась успехом. Ложная концепция не поддалась научному обоснованию и в сопоставлении с реальными фактами творческой биографии Толстого, хорошо поданными в «Очерке», обнаружилась своей несостоятельностью. Несостоятельность оказалась прежде всего общая схема идейно-творческого развития Толстого, которое рассматривается в «Очерке» как процесс, механически распадающийся на два социально разнородных, замкнутых периода.

Своеобразие первого периода определяется, по мнению исследователя, противоречиями одной только личной мысли писателя, борьбой «в его мировоззрении» (выделено мною).—Е. Н.) двух начал: аристократическо-сословного и крестьянско-патриархального. Второй период открывается «победой» крестьянского начала над дворянским и «отражением» на этот раз «противоречия, свойственные самому патриархальному крестьянству». Хотя содержание книги С. Бычкова не исчерпывается этими упрощенческими, неверными формулировками, на них все-таки придется сосредоточить главное внимание.

Такая трактовка идейной эволюции Толстого еще настолько распространена среди его исследователей, что о ней стоит поговорить подробнее. Теория борьбы различных «начал» в мировоззрении Толстого не имеет решительно ничего общего с ленинским истолкованием противоречий писателя, с ленинской теорией отражения. В то же время теория эта имеет сродную давность. Впервые она была выдвинута Плехановым и затем варьировалась на разные лады вульгарными социологами. Известно, что в противоположность Ленину, показавшему, что противоречия Толстого отражают исторические противоречия современной ему русской и прежде всего крестьянской жизни, Плеханов не увидел в сильных и слабых сторонах писателя ничего другого, кроме противоречивости его собственного сознания, якобы раздираемого «борьбой» между «большим баринством» и «великим художником», между «язычником» и «христианином» и т. п.

В основе распространенной концепции лежит методологически порочная попытка примирить ленинское истолкование наследия Толстого с ошибочной интерпретацией, данной ему Плехановым. Причем первая половина творческой деятельности Толстого объясняется по Плеханову, а вторая — по Ленину.

Оперируя абстрактными понятиями дворянско-помещичьих корнями и тенденциями творчества великого писателя-реалиста до его перехода на позиции патриархального крестьянства, С. Бычков механически распределяет по ним слабые и сильные стороны мировоззрения Толстого. Это сплошь и рядом признается облик великого писателя, приводит к явному искажению исторических перспектив его сложного развития. Достаточно сказать, что «основа» религиозного учения Толстого, в котором, по определению В. И. Ленина, «сплелся протест миллионов крестьян и их отчаяние», «закалялся», по мнению С. Бычкова, на почве «кризиса господствующих дворянских верхов, мучившихся в сомнениях и самонаизлах, пытающихся укрыться в тихой гавани «самоуверенности».

В замысле величайшего творения Толстого, романа «Война и мир», исследователи находят «вершину выражения словесных интересов писателя». Если верить автору, то в «Анне Карениной» Толстой «устраивал», в сущности, идеалы старой аристократии». Выходит, что если в начале творческого пути Толстого его мировоззрение носило «сословно-дворянский, либеральный» характер, то в условиях острой пореформенной ломки оно превратилось еще более реакционным, старомодным идеализмом, после чего Толстой непосредственно и оказался на позициях патриархального крестьянства. Жаль, что такой серьезный исследователь, как С. Бычков, не заметил абсурдности подобного вывода, необходимого следствия из его частных, приведенных выше положений. Дело обстоит так, что эти положения на правах общепризнанных имеют весьма широкое распространение в литературе о Толстом.

Не следует закрывать глаза на известную дворянскую ограниченность Толстого до периода его мировоззрения и отрицать то принципиально новое, что внес этот период в творчество писателя. Но видеть в дворянских пережитках сознания Толстого ту социально-историческую почву, на которой возникает его великое реалистическое искусство и его кричащие противоречия, — это значит оставаться во власти вульгарной социологии. А между тем методология ленинских работ о Толстом дает возможность понять сложную идейную эволюцию писателя как единый и непрерывный процесс, отражающий в конечном счете противоречия буржуазного развития в стране, прикладывая критерии. Соответственно этому и периодом, предшествующий к началу 80-х годов в мировоззрении Толстого, может и должен быть назван неразрывной связью с периодом, наступившим в это время в сознании широких крестьянских масс.

По некоторым из последних работ о Толстом видно, что вульгарно-социологическое и допозволение. Воениздат. 584 стр. Цена 10 руб. 80 коп.

Кашпиржак Е. История письменности и книги. «Искусство». 356 стр. Цена 13 руб. 10 коп.

Кольцов А. Сочинения. Гослитиздат. 416 стр. Цена 5 руб. 90 коп.

Лодоямба Ч. На Алтае. Перевод с монгольской А. Ринчина. Издательство иностранной литературы. 160 стр. Цена 4 руб. 25 коп.

Некрасов В. В родном городе. Повесть. «Молодая гвардия». 262 стр. Цена 5 руб. 35 коп.

ческая инерция начинает уже встречать со стороны ряда исследователей сознательный, хотя еще и не достаточно активный отпор. В статье «Реалистическое искусство

во Л. Толстого», открывающей сборник «Творчество Л. Н. Толстого», М. Храпченко настойчиво возмущает против механического противопоставления творчества писателя — до и после перехода его мировоззрения — в качестве двух противоположных по своему социальному содержанию явлений. Ни в какой мере не стирая грани, отделяющей Толстого от созданных им ранее, М. Храпченко справедливо указывает на их «внутреннюю, органическую связь», которая определяется тем, что на всех этапах творчества Толстого в нем, «хотя и в разной степени, отражался народный взгляд, народная точка зрения на явления общественной жизни». К сожалению, это справедливое утверждение носит у М. Храпченко несколько декларативный характер. Более конкретна статья Б. Бурсова «Ранний Толстой», напечатанная в том же сборнике. Исходя из первостепенного значения, которое имел для молодого Толстого проблема народа, исследователь настаивает на неразрывной связи творческой деятельности писателя у самых ее истоков «с начавшимся демократическим подъемом в стране, с ростом всей передовой русской литературы того времени». С этой плодотворной точки зрения Б. Бурсову удалось по-новому осветить ранние произведения Толстого, показать демократический характер поставленных в них вопросов.

Выдвинутые М. Храпченко и Б. Бурсовым принципиальные положения, несмотря на недостаточную четкость и полноту их формулировок, открывают пути к решению очень важных вопросов творческой биографии Толстого. Они позволяют видеть в эволюции великого писателя процесс, возникающий и протекающий отнюдь не в закоулках дворянской идеологии, а на генеральных демократических путях развития русской общественной и художественной мысли второй половины XIX века, процесс, отражающий противоречия демократического развития. В связи с этим открывается возможность понять, почему Толстой, резко разойдясь с революционными демократами, объективно по многим приближался к ним. Можно будет и конкретно-исторически решить вопрос о художественной специфике, о преемственности и новаторстве творчества Толстого.

Ненасытные эстетические потребности наследия Толстого, его непревзойденное художественное мастерство почти не изучены. А ведь без этого не может быть до конца выявлена и всесторонне раскрыта идейная проблематика его произведений.

В книге С. Лушевой о «Войне и мире», изданной Академией педагогических наук, целая глава посвящена анализу именно художественной структуры генетального произведения Толстого. Но автор поспешил заранее, в особой главе, изложить проблематику и идейное содержание романа, как нечто совершенно самостоятельное и независимое от художественной специфики, о преемственности и новаторстве творчества Толстого.

Ненасытные эстетические потребности наследия Толстого, его непревзойденное художественное мастерство почти не изучены. А ведь без этого не может быть до конца выявлена и всесторонне раскрыта идейная проблематика его произведений.

В книге С. Лушевой о «Войне и мире», изданной Академией педагогических наук, целая глава посвящена анализу именно художественной структуры генетального произведения Толстого. Но автор поспешил заранее, в особой главе, изложить проблематику и идейное содержание романа, как нечто совершенно самостоятельное и независимое от художественной специфики, о преемственности и новаторстве творчества Толстого.

Для того, чтобы преодолеть отставание в изучении Толстого, необходимо прежде всего поднять его теоретический уровень, не на словах, а на деле освоить и творчески применять ленинскую методологию. Необходимо значительно расширить и углубить проблематику научных исследований, обратиться к констатации фактов и их анализу, к конкретно-историческому решению важнейших и все еще спорных вопросов идейно-творческой биографии величайшего художника слова. Походка, вскозь, с птичьего полета эти вопросы решать нельзя. Им должны быть посвящены специальные проблемные работы.

Задача заключается не в том, чтобы впасть на Толстого тот или другой социологический ярлык, а в том, чтобы найти этому гиганту русской и мировой литературы подобающее ему место в литературно-историческом процессе, осмыслить все его творчество в целом как закономерный и значительный этап в развитии русской литературы, в развитии художественного сознания всего человечества.

Эта задача может быть решена только дружными усилиями всех исследователей Толстого. Для того, чтобы устранить имеющиеся разногласия, было бы весьма желательно открыть в печати и в научной среде товарищеское обсуждение спорных вопросов. Думается, что необходимость в таком обсуждении давно назрела.

Жемчужины таджикской поэзии

Прекрасное дело задумал Таджикистан: ознакомить широкого русского читателя с произведениями таджикских классиков. Вот перед мной четыре маленькие, но весьма интересные книжки: Саади, Омар Хайям, Сайидо Насафи и Хафиз. Эти чародей слова в рекомендациях не нуждаются. Попробуйте назвать самых замечательных поэтов мира за всю историю человечества, и вы не сможете избежать этих имен. Другое дело, как выглядят их поэзия в русских переводах. Здесь нужно сказать прямо и откровенно: далеко не все удалось Таджикистану при отборе лучшего из того материала, которым он располагает.

Очень удачна книжка «Сайидо Насафи». Сайидо, поэт XVII века, был простым ткачом. Он не раз имел возможность стать придворным поэтом, но неизменно отказывался от этой чести, предпочитая золотой клетке зеленые поля свободы. Маршная, нетолстая, насыщенная ядом сарказма против алчных «управителей мира» и пафосом социальной борьбы, поэзия Сайидо требует переводчика страстного, патетического и сатирического. В большой мере эти требования удовлетворяют переводы А. Аалис, передавшей мужество строк поэта, сдержанную, но напряженную энергию, суворый, упругий ритм.

Точно так же легко узнать руку Хафиза по сборнику переводов группы московских поэтов. «Ширазский соловей» Хафиз стал для мусульманского Востока не только символом поэзии, но и самим названием поэта. Любимый иранский стихотворец, говорящий о себе: «Я — Хафиз», не вызывает упрека в самолюбии: нет, он просто хочет сказать: «Я — поэт». С не меньшим правом могут назвать себя хафизами наши переводчики В. Звягинцева, Т. Сиенцова, А. Кочетков и К. Липскеров: при всем различии темпераментов этим поэтам

удалось передать истинное дыхание Хафиза. Вот, например, характерные строки, точно и поэтично переведенные К. Липскеровым:

Ступит вновь Юсуф на землю
Ханаана — не тужи,
Сень печали сменяет розы, тень платана —
не тужи!
Было плохо, станет лучше, к миру
злобы не питай,
Был низвергнут, но дожидешься снова
сана — не тужи...

К сожалению, не могу сказать того же о переводах К. Липскеровой из Саади. Хафиз близок к Саади многоцветен, Хафиз звонек — Саади приглушен, Хафиз пляшет — Саади глубок, Хафиз прямолинеен — Саади весь в излучинах, Хафиз сама лирика — Саади эничен и драматичен. Стараясь подчеркнуть весомость стиха Саади, Липскерова придает ему... неуловимость. Посудите сами, легко ли читать: «шумела вокруг нас волн морских синевая», или: «Сказал: Мрали! Ремнями тебя бы пощесы!». Видно, понимая умом отличие Саади от Хафиза, переводчик не почувствовал его сердце.

Однако, говоря о Липскеровой, мы все же говорим о поэзии. Но что сказать про анекдотический перевод поэмы Саади «Восток», который дан по академическому изданию 1935 года? Поэзия в нем нет ни на дюгу. Вот и получаются перлы вроде нижеизложенных:

На это халиф им ответил, тона
Обильные слезы, как будто свеча...
или:
Кивил-Арсалан укреплене иеет,
Его зашищавшие крепко предел... (???)

Да, не повесть! шейху Саади Ширазскому в Таджикистане.

Что касается Омара Хайяма, то переводы О. Румера, Тхаржевского и Л. Н. в целом неплохи. Но иногда авторы навязывают стику Омара внешнею манеру пушкинских восточных стихов, игнорируя национальный характер строгия хайямовской строфы («рубан»). Вот, например, как переведено одно из знаменитых четверостиший Хайяма:

Нам с гурами рай сулят на свете том
И чаши, полные пурпуровым вином.
Красавиц и вина бежать на свете этом
Разумно ли, если к ним мы все равно
придем?

Мысль передана здесь совершенно точно, однако интонация живой речи, музыка лирика — Саади эничен и драматичен. Стараясь подчеркнуть весомость стиха Саади, Липскерова придает ему... неуловимость. Посудите сами, легко ли читать: «шумела вокруг нас волн морских синевая», или: «Сказал: Мрали! Ремнями тебя бы пощесы!». Видно, понимая умом отличие Саади от Хафиза, переводчик не почувствовал его сердце.

Однако, говоря о Липскеровой, мы все же говорим о поэзии. Но что сказать про анекдотический перевод поэмы Саади «Восток», который дан по академическому изданию 1935 года? Поэзия в нем нет ни на дюгу. Вот и получаются перлы вроде нижеизложенных:

На это халиф им ответил, тона
Обильные слезы, как будто свеча...
или:
Кивил-Арсалан укреплене иеет,
Его зашищавшие крепко предел... (???)

Да, не повесть! шейху Саади Ширазскому в Таджикистане.

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

Н о в ы е к н и ж и

Аларкон П. Треугольная шляпа. Перевод с испанского Н. Мелзеева. Гослитиздат. 103 стр. Цена 1 руб. 20 коп.

Бросов В. Избранные сочинения. В 2-х томах. Гослитиздат. Т. 1. 731 стр. Цена 16 руб. Т. 2. 651 стр. Цена 13 руб.

Золотар И. Записки десятилетия. «Молодая гвардия». 240 стр. Цена 5 руб. 05 коп.

Иванов В. Повести древних лет. Хроника IX в. В 4-х книгах. 11-ты частях. «Молодая гвардия». 512 стр. Цена 9 руб. 50 коп.

Краев Г. и Успенский Л. Пулковский меридиан. Роман. Издание 3-е, переработанное и дополненное. Воениздат. 584 стр. Цена 10 руб. 80 коп.

Кашпиржак Е. История письменности и книги. «Искусство». 356 стр. Цена 13 руб. 10 коп.

Кольцов А. Сочинения. Гослитиздат. 416 стр. Цена 5 руб. 90 коп.

Лодоямба Ч. На Алтае. Перевод с монгольской А. Ринчина. Издательство иностранной литературы. 160 стр. Цена 4 руб. 25 коп.

Некрасов В.

Шелест страниц

Евгений ВОРОБЬЕВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Варшаве. Во Дворце культуры и науки имени Сталина открыта выставка, посвященная жизни молодежи семидесяти стран. На снимке: группа участников фестиваля у стенда Иордании. Фото В. Егорова

ВОКРУГ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО МИРНОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ

Атом будет служить миру

«Свидетельство необычайных успехов Советского Союза» (юнайтед пресс) * «Контакт между учеными стал необычайно тесным» (моргон-тиндинген) * «Замечательная советская выставка» (франс пресс)

Женева в эти дни снова в центре внимания общественности всего мира. Здесь, как уже известно нашему читателю, 8 августа открылась Международная научно-техническая конференция по мирному использованию атомной энергии. Газеты различных политических взглядов и направлений единодушно приветствуют это важнейшее событие. Многие обозреватели подчеркивают, что Советский Союз сыграл важную роль в достижении взаимопонимания в вопросе о свободном общении научной мысли, в деле тесной связи между учеными всего мира, работающими в области атомной энергии.

Ученые 71 страны были поражены, когда они пришли в русский зал выставки и увидели со вкусом размещенные экспонаты, показывающие атомное оборудование для получения электроэнергии, лечения раковых заболеваний, автоматическое управление на металлургических заводах и даже аппараты для подсчета нейвных бутылочек. Газета подчеркивает, что атомная электростанция, экспонированная на выставке, более экономична, чем электростанция, работающая на каменном угле. «Русские детали показывали свою аппаратуру, и у иностранных посетителей сложилось впечатление, что они пытались увидеть все, что не делают никаких секретов из своих успехов в области мирного использования атомной энергии. Успех советского pavильона в Женеве признает и газета «Дейли Ньюс», корреспондент которой в телеграмме из Женевы подчеркивает, что «русские произвели хорошее впечатление на атомной выставке в Женеве».

О реакции на конференцию в Женеве можно судить по тону французских газет. «На повороте истории в Женеве открылась атомная эра в духе международного сотрудничества», — пишет газета «Либерасьон». «С благоговения четырех великих держав ученые-атомники начали в Женеве обмен мнениями», — отмечает газета «Фран-тир». Газета «Комба» подчеркивает, что великие державы признали свою ответственность за мир и прогресс. Ежедневно тысячи посетителей стекаются в советский павильон. Образцы приборов, макеты и наглядные пособия иллюстрируют работу установок, применяемых в советской науке и промышленности. Интернациональная печать посвящает советскому отделу выставки подробные корреспонденции, отмечая большие достижения атомной науки в Советском Союзе.

Другая шведская газета, «Афтонингенинген», пишет, что конференция является следствием обеспеченного мира... «Новые огромные возможности открываются для человечества», — пишет газета, — возможности, увеличивающие перспективы жить в мире. Газета «Стокгольме-тиндинген» называет конференцию в Женеве «конференцией мира в лучшем смысле этого слова». Эта конференция, заявляет газета, представляет собой весьма примечательное явление настоящего времени, открывающее новые аспекты для международного сотрудничества.

Американское агентство Юнайтед Пресс передало для всех газет США сообщение своего корреспондента, посвященное открытию советской выставки в Женеве. По словам корреспондента, на стендах выставки показана «блестящая коллекция машин для производства электроэнергии, лечения рака...». Корреспондент особо подчеркивает, что Советский Союз с полной готовностью показывает все свои достижения, не делая никакого секрета из использования атома в области мирных целей. Рассказывая об огромном интересе посетителей к выставке, корреспондент пишет, что «Россия привнесла себе всю славу первого дня». «Ученые из Соединенных Штатов, Англии и других стран», — пишет корреспондент, — признают, что советская выставка свидетельствует о необычных и неожиданных успехах в деле использования атома для медицины, промышленности и сельского хозяйства. Русские показали масштабную модель атомной электростанции мощностью в 5.000 киловатт, которая, как они утверждают, является первой в мире».

Французское агентство Франс Пресс также пишет, что наибольшее внимание привлекала замечательная советская выставка. «Специалисты смогли удостовериться, — пишет корреспондент агентства, — что СССР достиг достаточно высокого промышленного уровня для того, чтобы строить такие реакторы, как те, макеты которых выставлены. Один из этих реакторов, реактор Московской Академии Наук, имеет пять процентов элементов обогащенного урана. Этот реактор действует с июня 1954 года. Другой реактор на 10-процентном обогащенном уране работает в условиях аналогичных условиям работы американского реактора «Платановый бассейн», выставленного во Дворце наций. Тем не менее этот реактор является более мощным и служит для различных опытов в области физики и биологии. Что касается использования изотопов в сельском хозяйстве, медицине и промышленности, то создается впечатление, что советские специалисты достигли высокого уровня. Один из делегатов СССР подтвердил, что применение радиоэлементов стало обычным явлением в различных областях».

Английская печать, рассказывая читателям о советской электростанции, пишет: «Россия рассказывает миру свои секреты об атомной станции».

Это — лишь незначительная часть откликов на открытие конференции и выставки, посвященной мирному использованию атомной энергии. Они заполнили всю зарубежную печать, вытеснив в эти дни все остальные новости. Лейтмотив всех высказываний, какой бы газете или журналу они ни принадлежали, — это твердая уверенность, что атом будет служить миру.

Американский профессор и русский ученый вместе готовили конференцию. Американец — доктор Уолтер Уитман из Массачусеттского технологического института является генеральным секретарем конференции. Его заместитель доктор Виктор Вавилов — физик, одинаково свободно говорящий по-английски и по-французски. Мирный пейзаж и Альпы за Женевским озером символизируют обстановку, в которой открывается конференция. «На открытии атомной выставки в Женеве русские продемонстрировали сенсационные открытия, ошеломившие всех посетителей выставки», — пишет шведская газета «Моргон-тиндинген». Контакт между учеными сразу стал необычайно тес-

Начало положено! Рисунок из американской газеты «Нью-Йорк геральд трибюн»

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51. Цветной бульвар, 30 (для telegramм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы литературы и искусства — К 4-02-29, внутренняя жизнь — К 4-84-28, К 4-72-88, международная жизнь — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Ветер на перекрестках мира

(Фрагменты из поэмы)

Тасос ЛИВАДИТИС
Траурный митинг памяти павших. Трибуны. Министры. Высокие шляпы. Монокли. Перчатки. Бобровые воротники. Шеренги солдатских рот. Штыки. За штыками — народ. Лица квадратные, морщинами испещренные. От холода — синие, от колоты — черные. От ветра — багровые. Сильные челюсти, сжатые крепко, Глаза под измятыми кепками, Красные и суровые. Девочка сидит на крыльце. Отцовский костюм завернула, как куклу, в тряпицы, Напевает: «Бай-бай...» Костылю не спит, Слышит — «В бой, в бой...» Тяжелые тени дворцов упали на спины людей. Спины гнутся. Окоз закрыли глаза, Им не прорусится. Роженица в муках кричит. Муж в окне соседней стучит: «Дайте огорок свечи! Дайте свечу! На младенца взглянуть хочу!» Старьевщик обходит дома, Собирает старую обувь и старые письма. Дует ветер. Зима. Подкатила машина. Блестит, как реклама. Вываливаются два лысых господина. И одна толстозадая дама. Отечество требует жертв. Военный бюджет. И внезапно все стихло. И ветер, и крик. Гробовое молчание. Солнце стало спускаться на запад. Пылает закат. Небо красное. Красного цвета земля, и в багровом сиянии Тихина. Все молчит. Все молчит. И тогда, очень медленно там, из холмов покатыми, Вдруг задвигались толпы людей в тишине: Из-за гор, из оврагов, с полей и долин — шли солдаты, Шли солдаты, убитые на войне. И подкатил черных мертвецов останки. И ломают пушки, и ломают танки. Медленно, упорно Гнут штыки и горны. «Стойте же, иди!» Женщина воскликнула: «Милый! И бросаешь под ноги к убитому мужу. Штукатур очнулся от сна. Гнев народный выплеснул наружу. Строитель кричит: «Вот, убицы, война!» Грузчик поднимает свою руку. Над дворцом повис кулак огромный — «Вместе с нами все пойдем мы! Все, как один! Убийщи! Сын мой! Сын!..» И тогда поднялся ветер снова. И пришел в движение народ. Сжаты кулаки — в бескрайнем гуле — слово Мир — оно все ширится, растет! Ветер тучи разрывая в клочья, Дует ветер. Дует ветер. Над толпой оборванных рабочих Солнце светит. Солнце светит — озаряет лица, Солнце светит — озаряет песню, И она тысячекрылой птицей От земли взлетает к небосводу: Мы те, чьи слезы во все уголки земли. Мы в этом мире все создали. Мы этот мир возвели. Он стоит на наших руках. Мы требуем мира на всех языках, На всех языках языка. Мир! Мир! Мир! Перевел с греческого Н. ВЛАДИМИРОВ

Ветер на перекрестках мира

лицом народа и истории, а на самом деле являются опасными рвантистами. Первые награды и золотые медали по разделу поэзии присуждены Тасосу Ливадитису (Греция), Тадеушу Ружевицу (Польша), Роберту Немироффу (США), Марии Бануш (Румыния), Луиджи Праделла (Италия), Йозефу Райнару (Чехословакия), Милану Кундере (Чехословакия), Алексису Парису (Греция), Федерико Альваресу Аррекви (Мексика) и Туку Ха (Вьетнам). По прозе награды получили: Александр Сидор-Рыльский (Польша), Карл Фокен (ГДР), Слав Караставов (Болгария) и Владимир Минач (Чехословакия). Лев Ошанин (СССР) награжден за слова к песне «Мы молодые», а Ян Галковский и Тадеуш Ургач (Польша) — за слова к «Песне молодости». По драматургии, кинодраматургии и очерку первые награды не были присуждены. Много интересных произведений отмечено второй, третьей и специальными наградами. — Я убежден, — сказал Назым Хикмет, высоко оценивая итоги конкурса, — что после конкурса искусство будет обогащено многочисленными новыми произведениями и многими молодыми талантами. На фестивале разгорается и иногда поджигают жаркие споры о книгах и литературных героях. Юноши и девушки, влекомые в литературу, ищут и покупают книжные новинки. Ведь скоро, очень скоро все разбудует по домам. И как же можно не купить книгу, о которой давно мечтали, которую так хочется прочесть. Интересно побывать в эти дни на книжном базаре, в книжных магазинах и всех четырех варшавских клубах международной печати и книги. Всюду царит оживление и та хорошая толчея, которую всегда так приятно бывает наблюдать у книжного прилавка. Фестиваль принес большой спрос на книги русских, советских авторов. На 16 языках продается сегодня книги в магазинах и книжных киосках Варшавы. Делегаты фестиваля особенно интересуются польскими и русскими книгами на французском языке. Во Франции и в тех странах Востока, где часто звучит французская речь, этих книг очень мало, и они дороги. Полностью раскуплен двухтомник Ленина на французском языке. Велик интерес к русским классикам. Из книг советских авторов наибольший успех пользуется среди делегатов фестиваля роман Алексея Толстого «Сожжение по мукам». Хочется упомянуть об огромном интересе молодежи, прежде всего молодежи стран Ближнего и Среднего Востока и колониальных стран, к творчеству Владимира Маяковского, Назыма Хикмета, Пабло Неруда и других крупных поэтов. Я познакомился в Варшаве с нетретьяким писателем и публицистом Питером Блякменом. Он друг Поля Робсона и вместе с ним приезжал в Советский Союз, был у нас на пушкинских торжествах. Питер Блякмен — активный борец за мир, страстный пропагандист прогрессивной литературы. Он рассказал мне о самоотверженной работе шотландского поэта Д. Уолтера, который перешел на английский язык почти все написанное Назымом Хикметом. Сначала Д. Уолтер переводил с французского подстрочника, но затем боялся, что не сможет донести все поэтические богатства до читателя, и чтобы не растерять даже крупный поэтический талант, он изучил за два года турецкий язык и сейчас переводит с подлинника. В этой работе ему помогает Питер Блякмен. Известный писатель, общественный деятель К. Вильямс (Северная Африка), который ознакомился недавно с этими переводами Д. Уолтера, сказал мне, что, по его мнению, это — великолепная работа. Хорошо было бы издать такую книгу, чтобы с творчеством Назыма Хикмета люди познакомились все те, кто читает по-английски. Многие были бы в восторге от встречи Назыма Хикмета с делегатами Турции и других стран Востока, чтобы в полной мере ощутить силу воздействия поэтического слова! Если можно сказать, что правда существует без виз, то в такой же степени это касается и литературы, потому что поэзия, литература, как всякое другое подлинное искусство, есть сама правда жизни, яркое ее выражение, и вне этой правды она попросту не существует. ВАРШАВА, август

ДАНЬ СТАРЫМ ПРИВЫЧКАМ?

На свете есть города, названия которых нельзя произнести без того, чтобы в памяти мгновенно не встала минувшая война со всеми страданиями, которые она принесла человечеству. Один из таких городов — Ковентри — крупный промышленный центр Англии. Мы говорим: Ковентри, и перед глазами возникает тревожные черные заголовки, изот дня в день мелькавшие на страницах газет пятнадцать лет назад. Гитлер во всеуслышание объявил тогда, что он решил «выбомбить Англию из войны». Старинный английский город Ковентри, построенный девятьсот лет назад, был избран гитлеровской «Люфтваффе» главным объектом варварских бомбардировок. Но с именем Ковентри в наши дни связано и другое представление: этот город стал символом активной борьбы англичан за запрещении атомного и водородного оружия. В 1942 году, в год сталинградской страды, Ковентри завладел дружбу с советским городом-героем. После войны эта дружба еще более окрепла. Жители этих двух городов связывают не только прошлое, их связывают общие надежды на мирное будущее. Нет ничего естественнее, что Ковентри и Сталинград объединили свои усилия в борьбе против угрозы новой войны. 9 ноября 1954 года они совместно обратились в Организацию Объединенных Наций с призывом запретить производство и применение атомного и водородного оружия. 6 апреля этого года представители городских властей Ковентри и Сталинграда направили новое обращение в Подкомитет Комиссии ООН по разоружению (который заседал тогда в Лондоне), требующее запретить оружие массового уничтожения. Делегация городских властей Ковентри и Сталинграда внесла друг другу взаимные визиты: осенью 1954 года и весной нынешнего года. Люди доброй воли во всем мире приветствовали проявления дружбы этих двух городов. Что же может быть плохим в том, что англичане и русские объединили свои усилия в защиту мира? Но американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Ворлд рипорт» рассуждает, как видно, по-иному. В одном из номеров, вышедших в кауэн Женевского совещания, журнал опубликовал статью под заголовком «Лежащий город». Механически повторяя уже не раз разоблаченные аргументы сторонников «холодной войны», автор статьи пытается изобразить всемирное движение за запрещении атомного и водородного оружия — «коммунистическим». Он прозрачно намекает на то, что члены муниципального совета Ковентри будто бы «коммунисты». У жителей Ковентри, каких бы политические взгляды они ни придерживались, имеются свои весьма веские основания не желать повторения недавно пережитых страданий. Трудно предположить, что такой обычно хорошо осведомленный журнал, как «Юнайтед Стейтс ньюс», не знает, что против атомного и водородного оружия поднимают сегодня свой голос не только коммунисты, но и японские социалисты, английские консерваторы, французские парламентарии, итальянские католики, христиане, мусульмане и буддисты. Трудно предположить, что журнал не слышал о призыве такого далекого от коммунизма ученого, как Бертран Рассел, запретить атомное оружие. Автор статьи, ссылаясь на каких-то анонимных жителей Ковентри, сетует на то, что память о разрушениях, причиненных Ковентри в 1940 году, кинематографически используется в поддержку коммунистической пропаганды против единственного оружия, которое держит русских подальше от Ковентри». Сохранить ядерное оружие, как оружие обанкротившейся политики «с позиции силы», «держать русских подальше от Ковентри» — вот главные тезисы этой статьи, призывающей, по существу, натануть занавес между Ковентри и Сталинградом, разорвать крепнущую дружбу между этими городами. В наше время, когда тесное сотрудничество между различными государствами в интересах всеобщего мира стало неотложной потребностью, подобные призывы «Юнайтед Стейтс ньюс» звучат, как анахронизм. Будем надеяться, что статья «Лежащий город» — лишь дань старым привычкам... Будем надеяться, что эта привычка — сень смена неверия и розни — не стала еще второй натурой журнала «Юнайтед Стейтс ньюс». М. МАРКОВ

Три недели находились в Соединенных Штатах Америки советская сельскохозяйственная делегация. Живой интерес американцев к ее деятельности не ослабевает. Советские делегаты уже знакомы со многими фермами и ранчо в штатах Айова, Небраска, Южная и Северная Дакота, Вайоминг. Подводя итоги 12-дневному пребыванию у фермеров Айова, глава советской делегации В. Мацневич заявил на пресс-конференции: «Наша поездка по штату Айова была очень полезной и интересной. Прием, который оказали нам жители Айова, был исключительно радушным и дружелюбным. На снимке: помощник министра земледелия США Эрл Бутч преподносит В. Мацневичу початок кукурузы. Внизу — эмблемы американского сельского хозяйства».

Снимок из американской газеты «Нью-Йорк таймс»

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.